

МАТЬ

Салих Хасанович сошёл с трамвая и покинул шумный проспект, свернув в переулок. Тёмная, безлюдная улица, автомобили здесь почти не ездят. Слева здание цеха с большими окнами (то ли завод, то ли фабрика), справа склады, густо опутанные колючей проволокой. Неприглядное, безжизненное место. Вдобавок ко всему в лицо хлещет колючий ветер. Несмотря на середину декабря, снег лежит скудными проплешинами седины на чёрно-бурой шкуре газонов.

Перейдя железнодорожные пути, Салих Хасанович ещё раз сворачивает направо. Слева тянется неприступный серый забор из железобетонных плит. Поверху плит несколько рядов колючей проволоки. Свет мощных прожекторов вырывает из темноты вышку.

Салиха Хасановича охватывает неведомое прежде тяжёлое чувство. Поднимая время от времени голову, он с тоской и смутением смотрит на колючий верх забора, потом на дорогу, которая по-прежнему безлюдна. Пройдя несколько сотен метров, он останавливается возле железных ворот, где уже стоит и в щель между створками пристально смотрит невысокая, полноватая женщина в чёрном пальто и серой шали. На Салиха Хасановича она не обращает никакого внимания. Только когда он обратился к ней с вопросом, женщина, немного повернув голову, ответила.

— Да, здесь.

Ей на вид лет шестьдесят. Круглое морщинистое лицо, на ногах тупоносые кожаные сапожки, на руках чёрные вязаные варежки. Она снова прильнула к щели. Салих Хасанович поверх её головы тоже стал рассматривать двор.

На большом дворе стоит грузовик с железным кузовом. Машину окружили вооружённые солдаты, один из них удерживает собаку на поводке.

— Извините за любопытство, апа, вы, наверное, живёте неподалёку?

— Нет.

— А почему же тогда?..

— Мой сын...,— ответила она и повернулась к Салиху Хасановичу.

Салих Хасанович подумал было, что после этих слов она расплачется. Но нет, её глаза сухи. Похоже, за долгие месяцы выплакала все слёзы.

— Вы откуда приехали?

— Из района.

— Встретиться-то сумели?

— Нет. Хотя бы отсюда его разглядеть, и то радость.

— Вы, наверное, попутно сюда завернули?

— Нет, специально...

— Часто приезжаете?

— Нет, не очень, времени на всё не хватает, дома-то скотина, раз в неделю наведываюсь...

Салих Хасанович хотел было ещё о чём-то спросить, но, смутившись неловким положением, недоумённо молчал. «Ах, дорогие наши матери! Почему же столь бессердечны дети, позволяющие себе обречь вас на такие тяготы? Но какими бы непутёвыми они ни были, для вас они всё равно остаются детьми!»

Мать, окинув взглядом Салиха Хасановича, высокого, с дипломатом в руке и очками на переносице, спросила:

— А вы кто? Почему здесь оказались?

— Меня сюда направили из общества «Знание» лекцию прочитать. Я в институте преподаю, апа.

Мать ни о чём больше не спрашивала. Салих Хасанович решил было, что она воспользуется благоприятным моментом и попросит его разыскать сына, передать ему привет, наконец. Но нет, мать его ни о чём не попросила. Видимо, она научилась утишать душевную боль созерцанием похожих на её сына арестантов сквозь щель в воротах раз в неделю...

В оговорённый час из ворот вышел замполит, поздоровался с Салихом Хасановичем. Перед тем как зайти, Салих Хасанович посмотрел на мать. Она потихоньку, тяжёлыми шагами отошла в сторону...

Заполнив необходимые бумаги, они снова вышли из кабинета замполита во двор. Миновали узкий сетчатый коридор. Справа стояли машины.

— Держи крепче! — сказал замполит солдату с собакой, потому что она, раскрыв огромную пасть, взхлёб лаяла и пыталась наброситься, щупленький солдатик едва её удерживал.

Они прошли вдоль высоченных железных ворот и поднялись по железной лестнице. Замполит несколько раз нажал кнопку звонка возле проходной. Тяжёлая металлическая дверь открылась с жалобным стоном. Вошли. Дверь с грохотом закрылась. Пропуск пришлось предъявить не только Салиху Хасановичу, но и замполиту. Только после тщательной проверки их пропустили внутрь. Салиху Хасановичу показалось, что даже само небо здесь сузилось и уменьшилось...

Просторный, светлый клуб. На сцене — стол, трибуна. Неподальку от сцены, возле стены ещё один стол, на нём составлены гармошка и другие инструменты.

Салих Хасанович, когда замполит предоставил ему слово, начал читать лекцию. Сам говорит, а сам в это время разглядывает сидящих в зале, думает об их судьбах.

Мужчины разных возрастов. Молодые могли бы быть студентами. И лекцию Салиха Хасановича слушали бы не здесь, а в институтских аудиториях. Они могли любить и быть любимыми, жениться, создавать семьи. Любимые дети вешались бы им, уставшим после работы, на шею, жёны поджидали бы с чистыми накрахмаленными полотенцами, пока они не закончат умываться, затем позвали бы их к столу, уставленному вкусной едой. А по вечерам они всей семьёй могли бы смотреть телевизор, дети уютно устраивались бы на отцовских коленях, нежились бы в их крепких объятиях, или они могли бы дружной семейной гурьбой ходить в театры и на концерты. А здесь...

С одной стороны, Салиху Хасановичу вроде бы и жалко этих людей. Но с другой, эти субтильные, худощавые, бритоголовые парни не вызывают истинного сопереживания в его душе. Потому что они, кого-то унижив, притеснив, оказались здесь по собственной воле. Да, так. Они заранее знали, что их несправедные деяния закончатся

именно этим. Они не пожелали жить по совести, не захотели становиться свободными гражданами свободной страны. Если, конечно, нет среди них пострадавших невинно...

Лекцию Салих Хасанович закончил следующими словами:

— Выступить перед вами тяжело. Я знал об этом заранее и постарался тщательней подготовиться. Разные мысли возникали в моей голове. Хотелось дать вам какие-то наставления. Однако здесь, возле ворот, я встретил женщину, мать одного из вас...

Салих Хасанович принялся рассказывать о встрече, произошедшей около полутора часа тому назад. Он всё больше распалялся, с каждым его словом головы некоторых арестантов склонялись всё ниже и ниже:

— У каждого из нас есть мать, и у каждого она одна-единственная. Наши матери смиренны и терпеливы, но они всегда ждут своих сыновей. И если они где-то далеко, каждая мать желает видеть их как можно чаще. Два раза в год возвращается к ней сын или пять, мать всегда будет говорить об одном и том же: «Редко бываешь у меня, сынок». И вы могли бы гостить у своих матерей, когда пожелаете, а может, даже жили бы вместе с ними. Но... Если бы вы в тяжёлые для страны минуты были на передовой линии фронта, ваши матери гордились бы вами. И если вам суждено героически погибнуть, им не было бы так тяжело, как сейчас. Но...

Несколько молодых парней прикрыли лица руками. Салиху Хасановичу не жаль дошедших до столь неприглядной жизни ребят. Перед его глазами лишь та одинокая мать, пришедшая к воротам тюрьмы за толикой радости и успокоения. Вот её-то и жалеет по-настоящему Салих Хасанович, её бессонные, тревожные ночи, её пожелтевшее от тоски по нерадивому сыну лицо, пролитые по нему слёзы, её большое сердце, днём и ночью болезненно щемящее от горя...

Снова открылись и закрылись двери. Молоденький солдат на проходной, взяв в руки паспорт Салиха Хасановича, подробно изучил предъявленный документ, задал несколько вопросов.

— Фамилия, имя...

Едва выйдя за ворота, Салих Хасанович обернулся налево. Матери не было.

Пройдя какое-то расстояние, Салих Хасанович облегчённо вздохнул. Полную грудь свежего воздуха набрал он. А перед глазами до сих пор одинокая мать.

«Матери дарят нам жизнь. Вскармливают нас своим священным, драгоценным молоком. Сколько прекрасных и добрых сказок о матерях слышим мы в детстве, поём посвящённые им песни, рассказываем стихи, читаем рассказы. А когда вырастаем... сколько горя приносим. Есть ли более жестокое создание на земле, чем ребёнок, равнивший сердце матери?! А мать всё прощает... ждёт своё заблудшее, сошедшее с праведного пути дитя. Душа её — в неволе, рядом с сыном...

РУКИ

Ночь.

Сдвигаю на один край белые занавески большого окна и смотрю на улицу. Блестящий свет фонарей, по тротуарам идут пешеходы, по проезжей части мчатся куда-то автомобили. Деревья напротив дома, воспользовавшись наступившим безветрием, решают вздремнуть. В домах, цепочкой вытянувшихся вдоль улицы, одно за другим гаснут окна. Уставшие за долгий, проведённый на ногах день люди собираются предаться долгожданному, сладкому сну, чтобы накопить сил для дня грядущего.

В другие дни и я в этот час утыкался головой в подушку, а сегодня сна ни в одном глазу. Только что вернувшись из ресторана, где отмечался день рождения сотрудника, в полном одиночестве погружаюсь в раздумья.

Что же заставило меня так спешно (я даже не успел переодеться), в глубокой задумчивости завалиться на диван? Руки. Да-да, именно руки. Две пары белых холёных девичьих рук, что я увидел за столиком напротив. Изящные, ежедневно балуемые дорогим земляничным мылом, они зажали между двумя пальцами тонкие, длинные дамские сигареты. Руки источали великолепие, благоухающее заграничными ароматами кремов и духов, а, глядя на острые ногти, аккуратно подточенные маленькой пилкой и подкрашенные перламутровым лаком, я загрузил о своей молодости, вспомнил другие изящные руки, вспомнил жаркие запястья, нежно обжигающие шею прикосновением. Да, такие вот они, женские руки — чистые, ухоженные! Однако чем дальше я думал, тем всё явственнее перед глазами вставали другие руки. И сколько бы ни старался, я так и не смог представить себе эти руки подобно тем, девичьим, которые увидел в ресторане, держащими изящный тонконогий бокал шампанского...

Её руки я чаще всего видел дочерна загоревшими, обо что-нибудь исцарапанными, покрасневшими и скрюченными от полоскания белья в проруби в трескучие морозы, по локоть вывоженными в муке и тесте в день выпечки хлеба, с прищемлёнными где-либо, посиневшими ногтями, которые иногда могли и сойти. А в последнее время эти руки покрылись сеткой глубоких морщин, чёрно-синие вены выступили наружу, кожа высохла, обнажая костяшки суставов, а покорёженные артритом пальцы, словно корни вывороченного ураганом дерева, торчат во все стороны. Если она посидит без работы пару часов, то вся изводится: руки начинают к чему-нибудь тянуться; они обеспокоены отсутствием работы, короткие узловатые пальцы ни с того ни с сего начинают подрагивать и шевелиться. Даже в единственную поездку в дом отдыха я стал свидетелем того, как она попросила тряпку у горничной и принялась мыть полы.

Руки.

Они о многом могут рассказать.

Глядя на руки, можно почти безошибочно определить профессию, возраст и даже характер их обладателя. Например, большие, мясистые «лопаты» выдают в их хозяине батыра, возможно, что и абсолютного победителя Сабантуя, добела отмытые, сильные и волосатые — это, как правило, руки хирурга, черновато-бурые от мазута, натруженные — механизатора. А к какой же группе отнести её руки, и что можно сказать об их хозяйке, глядя на них? Не знаю. Я часто наблюдаю в последнее время, как она нежно треплет внуков по головам, гладит по спинам, как целует дорогие и любимые детские пальчики, и невольно задумываюсь о её жизни, начиная с той поры, когда она была не старше своих внуков, и до дней сегодняшних.

Да, её руки с рождения тоже не были жёсткими и мозолистыми. Поначалу и её руки были настолько эластичными и мягкими, что казалось, будто в них нет косточек. Но её пальчики не могли играть седой бородой деда, потому что за семь лет до её рождения дед остался лежать «на краю света» во время русско-японской войны. Она почти не помнит те минуты, когда садилась к отцу на колени и играла его чёрной бородой. Но в её память намертво врезались слёзы и слова, обронённые маленькой девочкой, тянущей худые ручонки к отцу в момент прощания, когда его, обвинив в пособничестве «белым», погнали в Бугульму: «Ты куда уезжаешь, папа? Возвращайся быстрее!» Нет, быстро он не вернулся, и вообще не вернулся, сгинул насовсем...

Слабенькие ручонки девочки, обречённой на сиротство, вместо того, чтобы играть в куклы со сверстницами, качали двухлетнего братишку в люльке, когда матери не было дома, катали его по двору в маленькой тележке, сплетённой из лыка. Не

миновали её и голодные ветры лета-зимы двадцать первого года. Худыми, неокрепшими руками собирала она ягоду, свербигу, щавель, алтей, дёргала крапиву, козлобородник, лебеду, затем, перевязав «добычу» подвязкой от лаптей, взваливала на спину и тащила домой. Молодость, время открылени надеждами и мечтами, ко всем приходит одинаково, оказывается. И руки, пальцы которых щедро увиты золотыми кольцами, и те, которые украшает лишь скромный серебряный браслет, в свой срок обретают тугую ладонь возлюбленного юноши. И уже абсолютно наплевать на все условности, на запреты матери, когда сильные руки любимого уносят тебя в ночь, и совершенно невозможно устоять перед соблазном поласкать жаркими ладонями его крепкую шею... Всякое было, наверное, это ведь жизнь.

А как укрепилось и окрепло весьма непростое колхозное движение к концу тридцатых годов, когда на лошадях подвозили хлеб и всякую необходимую в быту мелочёвку и раздавали крестьянам на трудодни. Да, в те годы урожаи собирали большие. А как не собирать-то, когда столько праведного труда вложено, когда здоровые руки сбивались в кровь, связывая один за другим бессчётные снопы в уборочную страду, с утра до вечера без усталости размахивая серпом. Да, было, всякое было. Не обошлось и без неожиданного и не желаемого.

Разве для того, чтобы прикрывать заплаканные лица концами платка во время прощания, были созданы эти руки? Или для того, чтобы с головой утыкаться в наперсницу-подушку, оставшись в одиночестве в опустевшем доме? Нет, не для того, а чтобы встречать на пороге возвращающегося с работы мужа, чтобы поднести ему кувшин с водой и полотенце, чтобы ставить на стол полную вкусной еды миску созданы были эти руки!

Но... Миллионы этих рук, сжавшись в кулаки, грозно сотрясались в сторону Запада, проклиная впившегося в горло Гитлера. Руки миллионов матерей, навсегда потерявших своих сыновей, руки двадцатилетних вдов, руки девушек, так и не испытавших радости замужества, ещё не до конца осознающих предстоящее им пожизненное одиночество...

Всё вытерпели эти руки. Не сломались, не озлобились, даже когда на трудодень стали выдавать по сто граммов хлеба. Трудолюбивые, мозолистые, шершавые руки достойны нашего уважения и нежности! Я бы, не задумываясь, помещал в музей копии, снятые с этих рук. Лучше всяких лекарств лечили раны искалеченных войной мужей руки дождавшихся их возвращения жён.

После семи месяцев госпиталей, опираясь на костыли, превозмогая жуткую боль вернулся и к ней тот, кто тёмной ночью назвал её своей невестой. Кто скажет, что её рукам легко было в это время? Кто назовёт немилосердными эти руки, всю ночь оберегающие покой любимого?

Кто может понять всю печаль матери, в мирное время проводившей одного за другим троих сыновей в солдаты, кто сумеет понять и разделится обуревающие её мысли в те минуты, когда она, приставив ладонь к бровям, до слёз вглядывается в ту сторону, куда заходит солнце, где служат её сыновья?

Она уже не может часто приходиться к нам. Раз в год, наверное. Я ей каждый раз говорю, отдыхай, не вскакивай по всяким мелочам. Да разве ж возможно мирно скрепить руки, которые и в доме отдыха мыли полы...

Да, сейчас её запястья и предплечья похудели, ладони морщинисты, вены проступили наружу, их синие русла видны издалека. Руки, каждая трещинка, каждая чёрточка которых знакома мне с детства, сейчас огрубели, стали мерзлявыми — плохо переносят холод. Но они мне кажутся в тысячу раз теплее холёных, белоснежных рук девушек из ресторана, это самые дорогие для меня, самые мягкие, самые нежные

руки на свете, прекраснее самых изящных рук мира. Мне хочется взять эти руки в свои и долго-долго не отпускать, нежно-нежно гладить.

Руки...

Ночь.

Одиночество...

А не слишком ли я строг и требователен к современным девушкам, сейчас ведь совершенно другое время, другая жизнь? Не знаю. Я всего лишь думаю. Не замечая, как летит время, не слыша петушиных криков, возвещающих приход нового дня, думаю я о руках. А может, руки девушек из ресторана белы оттого, что они, как говорят в народе, работают на чистой работе? Может, эти молочно-белые руки способны на многое, тонкие пальцы проворно порхают над клавишами умных электронных машин, мастерски играют на музыкальных инструментах, названий которых нашим матерям и не выговорить с первого раза, точно и грамотно собирают сложнейшие навигационные приборы, помогающие морякам, бороздящим моря-океаны, и лётчикам сверхзвуковых лайнеров прокладывать маршруты. Дай-то бог! Если это так, я только рад буду. Я не против того, чтобы руки у девушек были чистыми и ухоженными. Все мы радуемся, увидев что-то красивое. Но хочется, чтобы эти девушки не забывали, что сегодняшняя сытая и привольная жизнь создавалась руками немощных нынче бабушек и тётушек, хлебнувших с малолетства тягот военного лихолетья матерей. Хочется, чтобы они помнили о шершавых и мозолистых, но излучающих тепло человеческой души руках, всегда готовых прийти на помощь. Желаю им быть душевными, милосердными людьми и согревать своим теплом окружающих. Вот, собственно, и всё, что я хотел сказать...

*Перевод **Наиля ИШМУХАМЕТОВА***

